МОСКВА и КАЗАНЬ ВЪ НАЧАЛѢ XIX-го ВѢКА.

Записки Ивана Алексѣевича Второва [1]).

I.

Воспоминанія московской жизни моей — Первый слухъ о кончинѣ императора Павла и о восшествіи на престолъ Александра Павловича.— Его торжественный въѣздъ въ Москву и коронованіе.
[Писано въ 1822 г.].

Пріятно вспоминать подъ старость юны лѣта.

Прошло уже сорокъ лѣтъ тому назадъ, какъ я въ первой разъ пріѣхалъ въ Москву, а теперь еще помню, какъ будто было это вчера; такъ сильно врѣзалось впечатлѣніе въ моей памяти. Тогда былъ я молодъ, здоровъ, свободенъ и веселъ, но небогатъ.

Одно это пугало меня, какъ я буду жить въ столицѣ, при недостаточномъ состояніи, какія найду знакомства и пріобрѣту-ли что для образованія себя по непреодолимой склонности моей отъ самаго дѣтства къ наукамъ и просвѣщенію? Я предполагалъ

---

[1]) Выдержки изъ этого отрывка интересныхъ записокъ И. А. Второва были приведены покойнымъ М. Ѳ. де-Пуле въ статьѣ: „Отецъ и сынъ“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1870-хъ годовъ, но въ виду особеннаго интереса этого разсказа мы, по совѣту академика Л. Н. Майкова, печатаемъ вновь эти записки, притомъ въ болѣе полномъ видѣ и по подлинной рукописи автора, сообщенной намъ покойнымъ Александромъ Николаевичемъ Яхонтовымъ.
Ред.

пробыть тамъ нѣсколько мѣсяцевъ и возвратиться въ свое жилище къ роднымъ моимъ и знакомымъ, но вмѣсто того прожилъ въ Москвѣ и Петербургѣ два года такъ пріятно и весело, что это время было лучшею эпохою во всю семидесятилѣтнюю жизнь мою.

Въ Москвѣ у меня знакомыхъ было только 4 дома нашихъ симбирскихъ помѣщиковъ: именно Степана Григор. Мельгунова, Николая Алексѣев. Дурасова, Александра Дмитр. Карпова, бывшаго въ Симбирскѣ губернатора, и Ивана Петровича Тургенева, которые знали коротко меня и любили, пятаго дома хозяина Павла Иванов. Комарова я никогда не видалъ, но по знакомству его съ моею сестрою съ нимъ переписывался.

1801 года января 28 числа утромъ, въ воскресенье, въѣхалъ я въ огромную Москву. Проѣзжая улицами, смотрѣлъ на красивые дома и на толпы людей идущихъ и ѣдущихъ. Вотъ, думалъ я, городъ, о которомъ мечталъ такъ много и который ограничивалъ всѣ мои желанія. Здѣсь никто меня не знаетъ. Позволитъ-ли состояніе мое завести знакомства? Можетъ быть, никто не удостоитъ меня и своего вниманія.

Остановился на Тверской улицѣ въ Цареградскомъ трактирѣ (тогда еще не называли гостинницами); на заставѣ при въѣздѣ въ городъ взяли у меня отставной указъ мой и велѣли получить его обратно отъ здѣшняго коменданта. Я послалъ моего человѣка за симъ указомъ, но онъ, возвратясь, сказалъ мнѣ, что должно взять его не отъ коменданта, а отъ оберъ-полицмейстера, къ которому надобно явиться лично самому.

Итакъ, нарядившись въ мундиръ, поѣхалъ я къ оберъ-полицмейстеру Ѳедору Ѳедоровичу Эртелю. Дожидаясь выхода въ его канцеляріи, видѣлъ какъ изъ внутреннихъ комнатъ полицейскіе офицеры провели какихъ-то двухъ дамъ подъ черными капорами, съ заплаканными глазами. За ними тотчасъ вышелъ и г. Эртель, въ полной униформѣ, потребовалъ мой пачпортъ, прочиталъ его и спросилъ меня, долго-ли я пробуду въ Москвѣ? и учтивымъ образомъ возвратилъ мнѣ его, сказавши, чтобъ я изволилъ росписаться. Дѣло кончено.

Я поѣхалъ вновь знакомиться съ извѣстными мнѣ людьми; былъ у господъ: Мельгунова, Дурасова и Карпова, потомъ у Павла Ивановича Комарова, нашелъ въ немъ прекраснаго образованнаго человѣка лѣтъ въ 40. Онъ былъ холостъ, богатъ и жилъ въ собственномъ домѣ съ зятемъ своимъ, несчастнымъ обгорѣлымъ слѣпцомъ, Андреемъ Алексѣевичемъ Соколовымъ, который былъ женатъ на сестрѣ его и о которомъ я буду говорить послѣ. Оба они обласкали

меня какъ роднаго, потому болѣе, что оба полюбили сестру мою, бывшую прежде въ Москвѣ съ сестрою Павла Ивановича, бригадиршею Цызыревою, и стояли у него въ домѣ. Я у него обѣдалъ и онъ пригласилъ меня непремѣнно переѣхать къ нему изъ трактира. Вечеромъ пріѣхалъ къ Ивану Петровичу Тургеневу, который жилъ въ университетѣ и былъ его директоромъ.

Здѣсь весь вечеръ провелъ я въ самомъ пріятномъ обществѣ. Хозяинъ самъ почти не вставалъ съ постели отъ болѣзни; съ нимъ бесѣдовали другъ бѣдныхъ—Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ и лучшій поэтъ нашъ—Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, которыхъ видѣлъ я первый разъ; но въ комнатахъ дѣтей его, коротко познакомившихся со мною еще въ Симбирскѣ, Андрея Ивановича и Александра Ивановича, нашелъ я многихъ молодыхъ писателей, извѣстныхъ по сочиненіямъ въ издаваемыхъ тогда журналахъ; помню только князя Якова Козловскаго и В. А. Жуковскаго, да пожилаго уже Максима Ивановича Невзорова.

Меня пригласили въ театръ университетскаго пансіона, и я поѣхалъ вмѣстѣ съ дѣтьми г. Тургенева; играли драму „Добрый сынъ“, переведенную питомцами изъ Беркенева „L'ami des enfants“, и прекрасно! Актеры, переодѣтыя актрисы и полный оркестръ музыкантовъ—были всѣ пансіонные воспитанники. Зрители—бо́льшая часть родители, родственники и знакомые воспитывающихся въ пансіонѣ дѣтей у гг. Тургеневыхъ, два брата были тутъ-же въ пансіонѣ. И такъ первый день моего пріѣзда въ Москву я провелъ самымъ пріятнымъ образомъ.

Въ трактирѣ ночевалъ я только одну ночь, а на другой день переѣхалъ на житье къ П. И. Комарову въ домъ его, состоящій близь Сухаревой башни, въ приходѣ Св. Троицы, въ Троицкой улицѣ.

Пріѣздъ мой въ древнюю нашу столицу былъ въ самомъ началѣ сырной недѣли. Всѣ публичныя увеселенія были открыты: театры, маскерады и собранія наполнены людьми; мнѣ удалось видѣть почти всѣхъ жителей московскихъ и всѣ ихъ увеселенія.

29 января, во вторникъ, отъ Ст. Григ. Мельгунова присланъ мнѣ визитерной билетъ въ Благородное собраніе. Въ 8 часовъ вечера поѣхали мы туда въ каретѣ съ П. И. Комаровымъ, Елизаветою Матвѣевною Ратьковою и ея дочерью, дѣвицею Елизаветою Михайловною. Входъ въ освѣщенныя комнаты, особливо въ огромнѣйшій длинный залъ, наполненные лучшимъ дворянствомъ обоего пола, былъ поразителенъ. Въ тотъ вечеръ до четырехъ тысячъ персонъ, собранныхъ въ одномъ домѣ, одѣтыхъ въ лучшее платье, особливо дамы и дѣвицы, украшенныя брилліантами и жемчугомъ, составляли

для меня восхитительное зрѣлище, какимъ я никогда не наслаждался. Здѣсь видѣлъ я всѣхъ красавицъ московскихъ, всѣхъ почетнѣйшихъ людей вѣка Екатерины Великой и даже Елизаветы императрицы, каковы, напримѣръ, двое братьевъ—Ѳедоръ Андреевичъ и Иванъ Андреевичъ графы Остерманы и проч.

Кавалеры всѣ, безъ исключенія, въ мундирахъ со шпагами и башмакахъ, подъ пудрою. Какая вѣжливость, учтивость и благопристойность!.. Ежели по тѣснотѣ вы кого, или васъ кто нечаянно задѣнетъ, то всегда съ пріятною миною и уклончивостію извиняются. Французскій языкъ больше въ употребленіи, нежели русскій. Въ такомъ множествѣ людей нѣтъ грубаго шума, какой слышанъ въ маскерадахъ или другихъ общихъ собраніяхъ, но какой-то пріятный гулъ и шорохъ отъ движущихся массъ народа. Залъ великолѣпный и обширнѣйшій освѣщенъ множествомъ люстръ и разноцвѣтныхъ въ стаканчикахъ огней. На внутреннихъ верхнихъ балконахъ вокругъ всего зала, поддерживаемыхъ множествомъ коллонъ, два оркестра музыкантовъ, одинъ инструментальный, а другой роговой музыки; а внизу, возлѣ стѣнъ, сдѣлано возвышеніе о двухъ ступеняхъ, окруженное перилами, и по обѣимъ сторонамъ мягкіе диваны, для сидящихъ зрителей. Посреди зала въ нѣсколько круговъ танцуютъ, а по возвышеннымъ переходамъ между сидящихъ на диванахъ, какъ равно и по залу, прогуливаются. Въ другихъ комнатахъ играютъ въ карты; въ концѣ зала, на противной сторонѣ буфета, на высокомъ пьедесталѣ стоялъ мраморный бюстъ Екатерины Второй, тогда безъ всякаго освѣщенія, а по вступленіи на престолъ Александра Павловича былъ всегда освѣщаемъ.

Конфекты, мороженое, лимонадъ и аршадъ во всѣхъ мѣстахъ и во всѣхъ комнатахъ подносятъ богато-одѣтые оффиціанты съ медалями, означающими номеръ. Цѣна умѣренная и платятъ мелкимъ серебромъ. Здѣсь можно видѣть всѣ ордена кавалерскіе, военные, придворные и штатскіе мундиры, всѣхъ полковъ и всѣхъ губерній, не только русскіе, но и другихъ государствъ.

Въ густой блестящей толпѣ вдругъ встрѣтился я съ знакомыми лицами, узнали другъ друга, обрадовались какъ ближніе родные и не разлучались до самаго разъѣзда изъ собранія: это были Василій Николаевичъ и Анна Васильевна, Пановы, Ѳедоръ Михайловичъ, его дочери Капитолина и Марья Ѳедоровна Тимашевы. Любезная Анна Васильевна записала мнѣ приходъ и урочище дома своей квартиры; всякой день послѣ того я видѣлся съ сею почтенною женщиною. Она имѣетъ въ Москвѣ много знакомыхъ и родныхъ, мы часто ѣздили съ нею къ ея знакомцамъ на обѣды и вечера.

Чрезъ нее познакомился я коротко съ четырью домами: господъ Ладыженскихъ, Дмитрія Ѳедор. и Андрея Ѳедоровича, тетки ея, любезной старушки Анны Петровны Кроткой, урожденной княжны Волконской, Григорья Борисовича Кошелева и брата Вас. Никол., Алексѣя Николаевича и Елизаветы Борисовны Пановыхъ. У всѣхъ ихъ бывалъ я часто и послѣ отъѣзда изъ Москвы Анны Васильевны.

Сырная недѣля доставила мнѣ случай видѣть всѣ увеселенія московскихъ жителей; всякой день были спектакли, маскерады и катанья; я былъ вездѣ. На катаньѣ нѣсколько тысячъ каретъ, колясокъ, возковъ и саней тянутся въ два ряда, а на Москвѣ-рѣкѣ катаются на ледяныхъ горахъ. На прощальный день, въ послѣднее воскресенье, въ маскерадныхъ залахъ Петровскаго театра, съ 10-ти часовъ утра, начинается денной маскерадъ, а съ 8-ми часовъ вечера—ночной. Многіе остаются въ обоихъ, обѣдаютъ или завтракаютъ въ семъ домѣ. Денной маскерадъ для меня былъ занимательнѣе ночнаго, потому-что въ немъ можно видѣть день и ночь вмѣстѣ. Первый залъ съ прихода длинный и большой, освѣщенъ солнечнымъ свѣтомъ, изъ него входишь въ огромный круглый залъ, называемый ротонда; тамъ ночь, ни одного окна, окруженъ колоннадою, поддерживающею оркестры музыкантовъ, внизу кругомъ переходы, между каждой колонны висятъ люстры, которыхъ множество повѣшано съ потолка, сдѣланнаго куполомъ. Множество горящихъ восковыхъ свѣчъ въ люстрахъ ярко освѣщаютъ всю ротонду, и слѣдовательно представляютъ ночь среди дня. Людей обоихъ половъ наполнено въ обѣихъ залахъ чрезвычайное множество разныхъ состояній: дворянства, купечества и иностранцевъ, одѣтыхъ въ разныя маскерадныя платья и съ разными каррикатурными масками; многіе безъ масокъ, но непремѣнно въ доминахъ или венецьянахъ и въ шляпахъ. Въ обѣихъ залахъ танцуютъ нѣсколько круговъ, а по переходамъ ротонды и въ боковыхъ комнатахъ играютъ въ карты, ходятъ изъ однѣхъ комнатъ въ другія или сидятъ. Въ 12 часовъ ночи заиграютъ на трубахъ и всѣ танцы прекращаются. Тутъ начинается разъѣздъ и оканчивается уже часовъ въ шесть утра, когда разсвѣтаетъ. Посему можно заключить, какое бываетъ многочисленное собраніе людей и разныхъ экипажей.

Въ великой постъ уже не бываетъ ни спектаклей, ни маскерадовъ. Въ благородномъ собраніи съѣзжаются обыкновенно, какъ и прежде, по два раза въ недѣлѣ (кромѣ первой и страстной недѣль), во вторникъ и четвертокъ, но только уже танцевъ не бываетъ. Сіи великолѣпныя и также многолюдныя собранія называютъ концертомъ. Тутъ играетъ музыка, а члены и визитёры сидятъ, ходятъ,

разговариваютъ, а большая часть играютъ въ карты. При жизни царствующаго тогда императора Павла запрещены были названія клубовъ, вмѣсто того при мнѣ было два прежніе клуба подъ названіемъ Академій, музыкальной и танцовальной. Первая для дворянства, а вторая для купечества и иностранцевъ. Въ нихъ читаютъ газеты и журналы, играютъ въ карты и на билліардѣ, обѣдаютъ и ужинаютъ, иногда бываютъ и балы, на которые съѣзжаются и дамы.

Я былъ въ обѣихъ Академіяхъ визитёромъ. Въ музыкальной старшинами и членами лучшіе люди изъ московскаго дворянства. Тутъ видѣлъ я многихъ извѣстныхъ писателей, изъ которыхъ часто бывалъ Владиміръ Васильевичъ Измайловъ; онъ небольшаго роста, худощавъ, физіономія не взрачная, но умная и добрая. Николай Михайловичъ Карамзинъ былъ старшиною Академіи, но я, бывши три раза въ сей Академіи, не видалъ его, и что еще удивительнѣе, ни въ одномъ публичномъ собраніи, ни въ театрѣ, нигдѣ не случалось видѣть сего любимаго мною писателя. Онъ выѣзжалъ только въ знакомые ему частные домы. Два раза случалось, что я нѣсколькими минутами не заставалъ его въ домѣ Ивана Петровича Тургенева. Сынъ его, Андрей Ивановичъ, сказывалъ ему о желаніи моемъ съ нимъ познакомиться и обѣщалъ вмѣстѣ со мною ѣхать къ нему, однако-же за разными отвлеченіями этого не случилось до тѣхъ поръ, когда я пріѣхалъ къ нему одинъ.

Я часто бывалъ въ домахъ Ст. Григ. Мельгунова, Николая Алексѣевича Дурасова, Александра Дмитріевича Карпова, часто обѣдалъ у нихъ и имѣлъ случай узнать многихъ богатыхъ и знатныхъ жителей московскихъ; наконецъ, увидалъ и любезнаго автора—Николая Михайловича Карамзина.

Февраля 14-го числа въ четвертокъ объявлено было афишами, что первый разъ еще въ Россіи будутъ давать концертъ славную ораторію г. Гайдена: Сотвореніе міра. Въ большомъ кругломъ залѣ Петровскаго театра (ротондѣ) собрано было около трехъ-сотъ лучшихъ музыкантовъ и пѣвцовъ, которыми дирижировали гг. Денглеръ и Керцелли. Кантаты и речитативы переведены были съ нѣмецкаго Н. М. Карамзинымъ. Купивши билетъ для входа (5 р. ассиг.) пріѣхалъ я въ 5 часовъ вечеромъ съ Андреемъ и Александромъ Ивановичами Тургеневыми, въ ротонду; тамъ было уже большое собраніе изъ лучшей московской публики кавалеровъ и дамъ. Концертъ еще не начинался; мы ходили по залу, встрѣчались съ знакомыми и разговаривали. Вдругъ подходитъ ко мнѣ Андрей Ивановичъ и говоритъ—хочу-ли я видѣть Николая Михайловича Карамзина?

Онъ подвелъ меня къ переходамъ и указалъ на человѣка, стоящаго возлѣ колонны въ медвѣжьей шубѣ, крытой темно-зеленымъ казимиромъ. Физіономія его показалась мнѣ болѣе доброю, нежели остроумною, ростомъ около 8 вершковъ. Я долго смотрѣлъ на него, воображалъ себѣ всѣ его творенія, какія читалъ я съ восхищеніемъ, представлялъ себѣ и то, какъ сіе милое лицо улыбалось, съ непріятнымъ ощущеніемъ читая язвительную на него сатиру въ одѣ: Въ честь моему другу [1]).

Андрей Ивановичъ хотѣлъ меня тутъ-же познакомить съ нимъ, но я, почтя за неприличное, отклонилъ его, условясь ѣхать съ нимъ вмѣстѣ къ нему на другой или на третій день. Начался концертъ: все собраніе слушателей, которыхъ было около трехъ тысячъ, кто гдѣ ходилъ, стоялъ или сидѣлъ, тутъ всякой и остановился. Шумъ отъ шарканья и разговоровъ утихъ, всѣ устремились на оркестръ, восхищались музыкою и пѣніемъ; я чувствовалъ пріятную гармонію, но не могу изъяснить моихъ чувствованій.

Ни на другой, ни на третій день не удалось мнѣ быть вмѣстѣ съ А. И. Тургеневымъ у г. Карамзина, а былъ я у него одинъ 23-го февраля, въ субботу. Онъ стоялъ на квартирѣ въ каменномъ домѣ портнаго Шмита, на Никольской улицѣ. Я пріѣхалъ къ нему по утру, часовъ въ 10, и нашелъ его только что возвратившагося съ утренней прогулки, которую обыкновенно дѣлаетъ онъ каждый день. Онъ встрѣтилъ меня ласково, и когда сказалъ я о себѣ, то онъ отвѣчалъ, что уже меня знаетъ по словамъ А. И. Тургенева, и читалъ мои сочиненія, напечатанныя въ двухъ журналахъ. Мы сидѣли съ нимъ въ диванной его комнатѣ, пили кофе, говорили о литературѣ, о Симбирскѣ и о старшемъ его братѣ, Васильѣ Михайловичѣ, знакомомъ мнѣ по Симбирску.

Не изъ лести, а отъ чистаго сердца я сказалъ ему, что, не зная его лично, давно уже почиталъ и любилъ его за сочиненія, которыя всегда читалъ я съ восхищеніемъ. Онъ спрашивалъ меня, гдѣ я учился? Какъ старшина музыкальной академіи, предлагалъ мнѣ записаться членомъ оной. На столѣ у него лежали напечатанные листы „Московскаго Журнала“, издаваемаго имъ въ 1791 и 1792 годахъ. Книгопродавцы перепечатывали его вновь, съ позволенія издателя, и онъ самъ разсматривалъ корректуру. Вдругъ

---

[1]) Эта сатира написана Павломъ Ивановичемъ Кутузовымъ, бывшимъ тогда куратором университета, и напечатана въ „Ипокренѣ“, 4-й части, на страницѣ 17, гдѣ всѣ его сочиненія поименованы какъ развратныя и подвергали автора опасности. Второвъ.

вошелъ къ намъ въ комнату какой-то французскій графъ-эмигрантъ, который пріѣхалъ тогда въ Москву; начали говорить по французски, и изъ разговоровъ ихъ замѣтилъ я, что они познакомились прежде во время путешествія Н. М. по Европѣ. Я, побывши нѣсколько, раскланялся и вышелъ, удостоясь его привѣтствія, чтобы посѣщать его чаще.

Въ другой разъ посѣщеніе мое къ нему было кратковременно и неудачно. Недѣли черезъ двѣ послѣ того вошелъ я къ нему въ ту-же комнату; на лѣвой сторонѣ, у окна, гдѣ прежде сидѣли мы съ нимъ, и на моемъ мѣстѣ сидѣлъ Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, а напротивъ его, въ правой сторонѣ отъ двери, сидѣлъ хозяинъ, обвязанный платками, съ болѣзненнымъ лицомъ; возлѣ его стояли два лекаря и готовились выдергивать у него больные зубы. Онъ встрѣтилъ меня сими словами:

— „Извините меня, милостивый государь, видите въ какомъ я положеніи, прошу васъ въ другое время“.

Такой пріемъ огорчилъ меня и заставилъ, извинясь ему взаимно, выйти. За дверью слышалъ я, что г. Дмитріевъ спрашивалъ его обо мнѣ, не Урусовъ-ли я? Не успѣлъ я перейти еще чрезъ залъ, какъ Николай Михайловичъ выбѣжалъ за мною и, назвавъ меня по имени, извинялся, что онъ не узналъ меня, что дня чрезъ четыре онъ будетъ здоровъ, и просилъ тогда къ себѣ, что онъ всегда будетъ радъ моему посѣщенію. Я изъявлялъ ему сожалѣніе о его болѣзни и о безвременномъ моемъ посѣщеніи и уѣхалъ довольнымъ. Послѣ того, во все время моего пребыванія въ Москвѣ я не былъ у него и нигдѣ не видался съ нимъ, потому что весною жилъ онъ на дачѣ, а потомъ уже женился на первой супругѣ его, урожденной Протасовой.

Московская жизнь моя въ первые дни доставила мнѣ много пріятности въ разсужденіи новыхъ предметовъ, новыхъ знакомствъ, но для чувствительнаго сердца, существующаго безъ цѣли, безъ плановъ и надежды, была отравою одна мысль о будущей безъизвѣстности и о бѣдномъ положеніи моего состоянія въ свѣтскихъ пышностяхъ. Позволитъ-ли достатокъ мой быть часто въ тѣхъ домахъ, которыми я здѣсь такъ много обласканъ? Одни переѣзды въ отдаленныхъ разстояніяхъ обширнаго города составляютъ уже для меня ощутительныя издержки. Впрочемъ, гостепріимные хозяева вездѣ почитаютъ за одолженіе, когда пріѣдешь къ нимъ на обѣдъ или на вечеръ, и пеняютъ, что не часто къ нимъ пріѣзжаю, такъ что все-бы время моего проживанія въ Москвѣ могъ я никогда не имѣть своего обѣда, что точно и было со мною.

Часто бывалъ я въ театрѣ, въ маскерадахъ и почти ни одного благороднаго собранія не пропускалъ по визитернымъ билетамъ, всегда легко мнѣ доставляемымъ отъ почтенныхъ членовъ его, особливо посредствомъ С. Г. Мельгунова и любезной Анны Петровны Кроткой. Въ семъ собраніи, какъ я сказалъ прежде, бываетъ лучшее и блестящее общество, и наблюдается болѣе нежели гдѣ-нибудь благопристойности и вѣжливости. Здѣсь, между знакомыхъ и незнакомыхъ, наблюдательный философъ можетъ съ любопытствомъ разсматривать разныя физіономіи, изучать характеры и нравы общества, вслушиваться въ разговоры занимательные, умные и смѣшные до глупости. Много молодыхъ людей, прекрасно образованныхъ и скромныхъ, но едва-ли не больше глупыхъ, вѣтренныхъ шарлатановъ, избалованныхъ счастіемъ и богатствомъ. Я много замѣтилъ такихъ, которые, тщеславясь купленными малтійскими орденами, выказывая свою модную прическу, большое жабо до нижней губы и высокіе воротники на мундирахъ. Всѣ такіе шарлатаны въ очкахъ, не для пособія зрѣнію, а для моды.

Тогда въ общія собранія иначе нельзя было появиться какъ не въ мундирѣ. Были и фраки для частныхъ домовъ, но особаго покроя въ родѣ французскихъ кафтановъ, однобортные и съ стоячимъ воротникомъ, и непремѣнно треугольная шляпа. Въ толпѣ молодыхъ щеголей я рѣдко слыхалъ умные разговоры, вотъ напримѣръ, въ Благородномъ собраніи изъ числа трехъ модниковъ, сидѣвшихъ подъ оркестромъ, одинъ лѣтъ двадцати говорилъ другимъ:

— „Я-бы теперь уже былъ полковникомъ, если-бы батюшка мой не упустилъ случая попросить NN, а онъ съ нимъ очень знакомъ“.

Въ ту минуту проходитъ мимо ихъ молодой блѣднолицый мальтійскій кавалеръ, мечтающій полковникъ вскакиваетъ съ мѣста и почтительно кланяется ему, называя вашимъ сіятельствомъ, а этотъ сіятельный едва удостоилъ его кивнуть головою и прошелъ мимо. Въ другой разъ сѣлъ я возлѣ своего знакомаго Г. Волкова, рядомъ сидѣлъ модный щеголь, съ превеликимъ жабомъ, причесанный и одѣтый довольно каррикатурно; я вслушался въ разговоръ его, онъ ропталъ, для чего такъ долго не умираетъ отецъ его, чтобъ онъ могъ располагать имѣніемъ, жить веселѣе и путешествовать за границу, „что здѣсь увидишь и узнаешь!“

— „Я недавно былъ въ Казани и въ тамошнемъ Благородномъ собраніи, гдѣ было четыре человѣка съ половиною, а нѣкоторые влѣзали на хоры смотрѣть на меня“.

Каковъ молодецъ! И подобные имъ глупцы роптали на строгость правительства, жаловались на оберъ-полицмейстера Эртеля,

за его дерзости на разныя запрещенія своевольной глупости богатыхъ избалованныхъ шарлатановъ, на треугольныя шляпы, парадныя платья и проч., и проч.

Г. Эртель человѣкъ благоразумный; онъ никогда но выходилъ изъ благопристойности, исполнялъ въ точности волю своего монарха и свою обязанность по совѣсти. Что оставалось ему дѣлать, какъ не то, какъ онъ однажды поступилъ? Это случилось при мнѣ въ Благородномъ собраніи; одинъ молодой щеголь, изъ лучшей фамиліи, одѣтъ былъ такъ каррикатурно, что воротникъ у мундира торчалъ выше головы, а жабо его галстуха закрывало нижнюю губу. Г. Эртель подходитъ къ нему и съ вѣжливостію напоминаетъ ему о непристойности такого наряда, не говоря уже о воротникѣ мундира, потому что такихъ было еще много, кромѣ его; по крайней мѣрѣ, приказываетъ ему перевязать свой галстухъ; онъ обѣщалъ исполнить, но спустя нѣсколько времени опять встрѣчается съ нимъ и въ томъ-же видѣ, и опять далъ то-же обѣщаніе. Въ третій разъ, уже спустя долго, г. Эртель замѣтилъ то-же и, подойдя къ нему, сказалъ:

— „Вы не хотите меня послушать?“

— „Да помилуйте, ваше превосходительство, со мною здѣсь нѣтъ камердинера, кто будетъ мнѣ перевязывать галстухъ?“

— „А! Такъ у васъ нѣтъ камердинера,“ сказалъ Эртель и, подозвавъ полицейскаго офицера, приказалъ взять ослушника.—Бѣднаго франта вывели подъ-руки изъ собранія. Благоразумные одабривали оберъ-полицмейстера, а глупые роптали на него.

Слухъ о кончинѣ императора Павла I.

14-го числа марта въ четвертокъ, часа въ три пополудни, во всемъ городѣ сдѣлалось необыкновенное движеніе. Сначала шептали и боялись говорить открыто, что императоръ скончался, потомъ увидали, какъ всѣ полки, стоявшіе въ Москвѣ, повели въ Кремль присягать новому императору Александру I. Я поѣхалъ въ Кремль узнать подробнѣе и на Никольской улицѣ, въ книжныхъ лавкахъ, встрѣтился нечаянно съ симбирскимъ моимъ знакомцемъ, Николаемъ Андреевичемъ Дудинымъ, и въ его каретѣ поѣхали съ нимъ не въ Кремль, а на его квартиру; тутъ читалъ я и манифестъ о восшествіи на престолъ государя Александра Павловича. Г. Дудинъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ былъ у Дмитрія Александровича Гурьева, и при немъ вошелъ къ нему пріѣхавшій изъ Петербурга курьеромъ князь Долгорукой, и первыя слова его были:

— „L'Empereur est mort!"

Весь день и вечеръ говорили только о сей перемѣнѣ, во всѣхъ домахъ, куда ни пріѣдешь.

На другой день, 15-го марта, было гулянье въ Кремлѣ, множество каретъ, саней, пѣшихъ и конныхъ наполняли весь Кремль. Это гулянье было издавна въ обыкновеніи и принято отъ того, что прежде ходили туда покупать вербу для будущаго вербнаго Воскресенія. Москву можно уподобить республикѣ, по образу жизни, мнѣніямъ и свободѣ.

Чрезвычайнымъ удивительнымъ и страннымъ показалось, что многіе изъ щеголей-шарлатановъ, какъ пѣшихъ, такъ и верховыхъ, были уже на семъ гуляньѣ въ круглыхъ шляпахъ, о чемъ прежде боялись и думать, потому что всѣмъ полицейскимъ служителямъ приказано было, не смотря на лица, срывать круглыя шляпы, на комъ увидятъ, и тутъ-же разрывать или изрѣзывать ихъ. Теперь полиція смотрѣла равнодушно на сей запрещенный нарядъ. Надобно сказать, что вмѣстѣ съ курьеромъ, привезшимъ извѣстіе о кончинѣ государя, пріѣхалъ и новый оберъ-полицмейстеръ въ Москву, г. Каверинъ, которому велѣно тотчасъ смѣнить прежняго г. Эртеля, кого многіе боялись, какъ строгаго блюстителя строгихъ повелѣній покойнаго государя.

Другой предметъ еще толковъ, разговоровъ, тайныхъ и явныхъ для московскихъ жителей былъ о смѣнѣ господъ оберъ-полицмейстеровъ. Каверинъ, принимая должность отъ Эртеля, требовалъ, подробнаго отчета въ денежной суммѣ, у него находившейся. Эртель не хотѣлъ дать ему и говорилъ, что суммы ввѣрены были ему отъ государя императора по секрету, а потому и отчетъ долженъ онъ дать лично новому императору. Каверинъ прибѣгнулъ съ жалобою къ главнокомандующему въ Москвѣ, графу Ивану Петровичу Салтыкову, которому Эртель отзывался тѣмъ-же и принужденъ былъ показать ему свой отчетъ, гдѣ написаны были лица самыя знатныя и почтенныя изъ московскихъ дамъ, которыя получали большія суммы за ихъ шпіонство. Главнокомандующій съ первыхъ строкъ отчета не захотѣлъ далѣе знать сей тайны, и оправдалъ г. Эртеля.

Болѣе недѣли во-всѣхъ домахъ, гдѣ я бывалъ, только и было разговоровъ, толкованій и даже угадываній тайныхъ лицъ. Москва также славится и сплетнями, какія бываютъ въ провинціяхъ.

24-го марта былъ день Святыя Пасхи. Мы были у заутрени въ своей приходской Троицкой церкви. При концѣ службы отъ множества народа и стѣсненнаго воздуха со мною сдѣлался обморокъ, я не помню, какъ вынесли меня изъ церкви. На открытомъ

воздухѣ я опомнился и наслаждался прекраснѣйшимъ зрѣлищемъ: всѣ церкви отъ подошвы до самаго верха снаружи освѣщены были плошками и разноцвѣтными фонарями, особенно глава и крестъ Ивана Великаго казались украшенными брилліантами и разными блестящими цвѣтными каменьями.

Во всю недѣлю Пасхи бываетъ здѣсь гулянье подъ Новинскимъ: множество каретъ, колясокъ и дрожекъ со зрителями туда съѣзжаются, множество пѣшихъ и конныхъ тамъ прогуливается и смотрятъ на простой народъ, качающійся на разныхъ качеляхъ, и заходятъ иногда въ балаганы, гдѣ представляютъ разные фокусы, показываютъ звѣрей и другія рѣдкости; балансируютъ на канатахъ и проч., и проч.

Наступающая весна радовала меня, что я буду имѣть много пріятности и удовольствія въ прогулкахъ по окрестностямъ Москвы. Мое здоровье, молодость и свобода позволяли мнѣ наслаждаться всѣми возможными удовольствіями въ жизни. Я имѣлъ хорошее знакомство, не было большой нужды и въ деньгахъ, потому что игралъ въ коммерческія игры довольно счастливо; любезный хозяинъ мой, Павелъ Ивановичъ, держалъ мнѣ всегда половину. Игры были тогда: бостонъ, три и три и пикетъ, а въ вистъ почти никто не игралъ, кромѣ стариковъ и старухъ. По такимъ достоинствамъ молодые люди здѣсь принимаются лучше, нежели по учености. Знатные и лучшіе дома для нихъ всегда открыты.

Правда, я бывалъ и въ такихъ домахъ, гдѣ болѣе любятъ ученость и свѣдѣнія, напримѣръ, въ домѣ И. П. Тургенева, у дѣтей котораго всегда находилъ благовоспитанныхъ, ученыхъ и скромныхъ молодыхъ людей, и наслаждался съ ними поучительною бесѣдою. Тутъ познакомился еще съ двумя умными молодыми братьями, Паисіемъ Сергѣевичемъ и Андреемъ Сергѣевичемъ Кайсаровыми, изъ нихъ первый служилъ тогда плацъ-адъютантомъ въ Москвѣ, а другой въ Руничевомъ полку поручикомъ. Ума и остроты сего послѣдняго служитъ доказательствомъ слѣдующее: разговоръ былъ о г. Карамзинѣ, который тогда женился на первой супругѣ Протасовой. Молодые литераторы шутили надъ женитьбой философа и хотѣли, чтобы изъ нихъ кто-нибудь написалъ стихами или прозою церемоніалъ его свадьбы. Андрей Кайсаровъ на другой-же день принесъ къ Тургеневу пьесу, имъ сочиненную, подъ названіемъ: „Бракосочетаніе г. Карамзина“, гдѣ весь обрядъ свадьбы и вѣнчанія написаны собственными словами г. Карамзина, выбранными изъ его сочиненій, стихами и прозою. Шутка острая, но безвредная, надъ которою вѣрно и самъ Карамзинъ отъ души смѣялся. Вездѣ показались списки съ этой пьесы и всѣ забавлялись ею съ удовольствіемъ.

Въ началѣ 1802 года, вышедъ въ отставку, Кайсаровъ поѣхалъ вмѣстѣ съ Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ заграницу и оба тамъ слушали лекціи въ геттингенскомъ университетѣ, а возвратясь въ Россію, Андрей Кайсаровъ былъ профессоромъ въ дерптскомъ университетѣ, потомъ въ 1812 году вызвался въ петербургское ополченіе и убитъ подъ Витебскомъ.

Пріятныя и поучительныя бесѣды были также въ домахъ Семена Дмитріевича Ситникова, любезнаго и почтеннаго, умнаго старика, Григорія Борисовича Кошелева, которыхъ я любилъ и уважалъ и они меня любили. А чаще всѣхъ бесѣдовалъ въ уединеніи съ добрымъ, умнымъ и несчастнымъ слѣпцомъ Андреемъ Алексѣевичемъ Соколовымъ, который во всю бытность мою въ Москвѣ былъ лучшимъ моимъ другомъ, и съ которымъ по разлукѣ болѣе шести лѣтъ мы переписывались. Я обѣщалъ говорить о немъ, и вотъ часть его біографіи:

Ему было не болѣе 30-ти лѣтъ отъ роду, какъ я съ нимъ познакомился, но въ какомъ ужасномъ положеніи! Лицо его обезображено, огонь выжегъ глаза и волосы, кожа на лицѣ и рукахъ была ничто иное, какъ тонкая плѣна, покрывающая тѣло, еще гніющее отъ обжога; къ симъ мѣстамъ ежедневно прикладывали цѣлительныя примочки, особливо близь самыхъ глазъ; волосы на бородѣ и головѣ не растутъ уже. Кромѣ слуги, который водитъ его и прислуживаетъ ему, никто не видитъ лица его; онъ носитъ парикъ и закрываетъ лице до нижней губы; на бородѣ, вмѣсто волосъ, видна тонкая съ румянцемъ бѣлая кожица; и въ семъ положеніи онъ не только не безобразенъ для разговаривающихъ съ нимъ, но по пріятному произношенію его, по уму и свѣдѣніямъ, даже чрезвычайно любезенъ и привлекателенъ.

Ихъ три брата: старшій, Иванъ Алексѣевичъ (съ которымъ я познакомился въ Петербургѣ), былъ рекетмейстеромъ, тайный совѣтникъ; средній—горнымъ офицеромъ, а сей послѣдній въ молодости служилъ въ гвардіи, а потомъ въ межевой канцеляріи землемѣромъ. Лѣтъ за пять передъ симъ, какъ я съ нимъ познакомился, онъ женился на родной сестрѣ П. И. Комарова, имѣлъ свой домъ въ Мѣщанской улицѣ, и не прожилъ года съ любимою женою. Въ день имянинъ было у него много гостей, которые пировали до полуночи, и какъ скоро разъѣхались, то хозяева почувствовали въ комнатахъ запахъ дыма. Андрей Алексѣевичъ встревожился, побѣжалъ осмотрѣть, но, вышедши въ сѣни, едва не задохся отъ дыма, вдругъ пламя бросилось въ двери и загорѣлся весь домъ. Онъ въ ужасѣ прибѣжалъ опять въ комнаты, желая спасти жену свою, схватилъ

ее и понесъ на рукахъ изъ покоевъ, но выходя изъ дверей сквозь пламя не могъ вынести на дворъ, упалъ съ нею въ сѣняхъ, уже въ безпамятствѣ. Съ тѣхъ поръ онъ ничего не помнитъ и не знаетъ, что происходило. Сдѣлалась тревога, сбѣжался народъ и полицейская команда, но весь домъ и вещи, какія были въ немъ, все превратилось въ пепелъ. Ихъ вытащили уже обгорѣлыхъ, жена его лишилась жизни, а онъ едва дышалъ, не имѣлъ даже подобія человѣческаго: глаза лопнули отъ жара, волосы, лицо и руки обгорѣли, но корпусъ менѣе поврежденъ, видно потому, что на немъ было суконное платье, его перенесли въ домъ къ П. И. Комарову.

Болѣе трехъ дней онъ былъ въ безчувственномъ положеніи, оставался только признакъ жизни; между тѣмъ жену его схоронили и могила была не закрыта, въ ожиданіи его кончины, чтобы поставить и его гробъ съ нею вмѣстѣ. Благодѣтельный и искусный докторъ, г. Фрезъ, поддерживалъ жизнь его разными лекарствами. Болѣе двухъ недѣль отчаявались въ его жизни, но молодость спасла его отъ смерти и оставила надолго еще страдать отъ незаживающихъ ранъ. Здоровье его поправили, а зрѣнія лишился онъ навсегда.

Прежде, сказываютъ, онъ былъ собою прекрасный мущина, бывалъ всегда въ лучшемъ обществѣ, образованъ ученіемъ и съ обширными свѣдѣніями. Сіи качества остались въ немъ понынѣ; надобно прибавить къ тому, что, при его умѣ, онъ имѣлъ доброе, чувствительное сердце, и въ теченіи пяти лѣтъ привыкъ къ бѣдственному своему положенію, нравъ имѣлъ веселый и снисходительный. Я никогда не забуду тѣхъ пріятнѣйшихъ вечеровъ, какіе проводилъ я съ нимъ, наслаждаясь умною, поучительною его бесѣдою. О прошедшемъ разсказывалъ онъ съ горестнымъ воспоминаніемъ, но о несчастіи своемъ никогда, такъ больно было ему напоминать!.. Говоря о себѣ, всегда прибавлялъ: тогда я былъ еще живъ. Послѣ несчастія онъ отставленъ отъ службы съ полной пенсіей, жилъ въ домѣ своего шурина Комарова, имѣлъ при себѣ комнатнаго слугу и нанятаго секретаря, который читалъ ему книги и писалъ подъ его диктовку письма, подписывалъ самъ ихъ ощупью. Онъ любилъ меня, какъ искренній другъ, какъ ближній родственникъ, что доказываютъ его умныя, краснорѣчивыя письма, ихъ болѣе 20, храню я какъ рѣдкость. Я столько-же любилъ его, кажется, по сходству нашихъ чувствованій и склонности.

Теперь протекло уже болѣе десяти лѣтъ, какъ я прервалъ съ нимъ переписку, а разстались уже 20 лѣтъ (писано въ 1822 году).

Не знаю, живъ-ли онъ и гдѣ находится. Ежели судьба приве-

детъ меня когда въ Москву, то я найду его самого или его могилу и окроплю слезами [1]).

Въ разсѣянiи, праздности и прогулкахъ человѣкъ имѣетъ болѣе недосуговъ; я рѣдко записывалъ въ журналъ свой всѣ происшествiя, со мною случившiяся, и рѣдкости, мною видѣнныя. Прекрасное время вёсны и лѣта вызывало меня на прогулки: бо̀льшую часть Москвы и ея окрестностей обходилъ я пѣшкомъ одинъ, а иногда ѣзжали вмѣстѣ съ семействомъ Елизаветы Матвѣевны Ратьковой или съ П. И. Комаровымъ въ каретѣ. Вотъ помню я нѣкоторыя прогулки:

Весною въ Кремлѣ и по набережной Москвы-рѣки. Тутъ множество бываетъ разнаго званiя кавалеровъ и дамъ. Съ Воробьевыхъ Горъ любовался я видомъ всей обширной Москвы, съ ея улицами, огромными зданiями и движущимся народомъ. Зрѣлище прекрасное!.. У Симонова монастыря бывалъ нѣсколько разъ, повѣрялъ описанiе Н. М. Карамзина, искалъ хижины, гдѣ жила его „Бѣдная Лиза“, и видѣлъ только бугры и ямы, признаки бывшихъ жилищъ, видѣлъ и тотъ прудъ или небольшое круглое озеро, осѣненное березами, въ которомъ утопилась бѣдная Лиза; смотрѣлъ на многiя надписи, начертанныя на деревахъ по-русски и по французски; ихъ трудно было читать, и потому не могъ разобрать тѣхъ стиховъ, о коихъ мнѣ сказывалъ А. И. Тургеневъ:

Погибла здѣсь въ прудѣ Эрастова невѣста,
Топитесь, дѣвушки, и вамъ тутъ много мѣста.

Бульваръ среди города, отъ Тверскихъ до Никитскихъ воротъ, гдѣ всякiй вечеръ прогуливается лучшая московская публика. Среди широкой улицы сдѣлана перспектива, болѣе версты длиною, укатанная ровно и усыпанная пескомъ; на обѣихъ сторонахъ ея, во всю длину, посажены деревья, а обѣ стороны улицы и площадь заставлены каретами пріѣзжающихъ туда для прогулки дамъ и кавалеровъ, которыхъ всегда бываетъ по нѣскольку тысячъ. Тутъ можно видѣться съ знакомыми, ходить, сидѣть на разставленныхъ по всему проспекту софахъ, а въ галлереѣ, построенной на бульварѣ, пить чай, лимонадъ и оршадъ, лакомиться конфетами и мороженымъ.

---

[1]) Я былъ въ Москвѣ въ 1837 и 1839 году, и къ удивленiю моему нашелъ его еще живымъ, точно въ такомъ-же темно-зеленомъ сюртукѣ и подъ зонтикомъ. Свиданiе наше было самое пріятное; прежнiя раны его на рукахъ превратились уже въ какую-то твердую кору. Онъ не узналъ меня по голосу и едва вспомнилъ прошедшее; въ 70 лѣтъ память его ослабѣла; онъ попрежнему ходитъ по комнатѣ. И. А. Второвъ.

Въ воскресенье, апрѣля 21-го числа, пользуясь прекрасною погодою, поѣхалъ я съ семействомъ Е. М. Ратьковой въ поле за Тверскую заставу, къ Петровскому подъѣздному дворцу. Это огромный замокъ, построенный возлѣ большой дороги, верстахъ въ трехъ отъ заставы, окруженный стѣнами и башнями въ азіатскомъ вкусѣ. Дворецъ выкрашенъ подъ кирпичный цвѣтъ, съ пробѣлами. Придворный лакей показывалъ намъ всѣ внутреннія комнаты дворца. Я не сосчиталъ, сколько перешли мы всѣхъ покоевъ, скажу только, что около часа безпрестанно переходили мы изъ комнаты въ комнату. Тутъ нѣтъ никакихъ пышныхъ украшеній, кромѣ прекрасной мебели. Огромный круглый залъ, простиравшійся во всю высоту дворца съ куполомъ, украшенъ барельефами лѣпной работы, изображеніемъ всѣхъ русскихъ владѣтельныхъ князей, царей и императоровъ, отъ Рюрика до Александра I.

Близъ самой Тверской заставы, на обширномъ, открытомъ полѣ, по воскресеньямъ бываетъ чрезвычайное множество народа разныхъ состояній смотрѣть на псовыхъ охотниковъ, которые пріѣзжаютъ сюда съ наловленными зайцами и съ борзыми собаками дѣлать такъ называемые сатки, т. е. сажать пойманныхъ зайцевъ и травить ихъ собаками. Тутъ бываютъ между охотниковъ большіе споры объ отличіи своихъ псовъ, ссорятся, а иногда доходятъ и до драки.

Для меня любопытно было видѣть движеніе огромной массы людей во всѣ тѣ стороны, куда бѣгутъ зайцы, и за ними собаки, толпа людей туда-же, съ восхищеніемъ, крикомъ и восклицаніями. Тутъ глупыя дѣти, разныхъ возрастовъ, отъ 15 до 70 лѣтъ, составляютъ, такъ сказать, одну душу въ тиранскомъ удовольствіи: смотрѣть, какъ бѣдный заяцъ старается избѣгнуть мучительной смерти, какъ его схватываютъ собаки и терзаютъ зубами, какъ иногда онъ вырывается, оставляя кровавые куски плоти своей, его опять догоняютъ и оканчиваютъ страданіе ножемъ. Такое кровопійственное зрѣлище утѣшаетъ народъ. И это человѣки, одаренные умомъ и чувствами, невѣжды и просвѣщенные!

Мая 1-го числа, среда. Этотъ весенній мѣсяцъ встрѣтилъ я здѣсь съ унылыми, осиротѣвшими чувствами; вспомнилъ прошедшее время, когда въ юности моей встрѣчалъ его на утренней прогулкѣ въ полѣ, при солнечномъ восходѣ.

Послѣ обѣда хозяинъ мой, П. И., далъ мнѣ свою карету и я поѣхалъ одинъ на гулянье въ Нѣмецкіе Станы. Тамъ было до 4 тысячъ каретъ и болѣе ста тысячъ народа, разныхъ состояній. Мѣстоположеніе сихъ Становъ прекрасное, по рощамъ и долинамъ. Тутъ множество надгробныхъ камней съ нѣмецкими надписями;

вездѣ палатки, домики, галлереи и разныя увеселенія для черни; всего лучше надобно гулять тамъ пѣшкомъ или верхомъ, а сидящіе въ каретахъ подобны заключеннымъ въ клѣткахъ невольникамъ, надобно глотать пыль и ѣхать поневолѣ, гдѣ тихо, гдѣ прытко, и притомъ никто близь гулянья не можетъ остановиться или выѣхать изъ цѣпи каретъ, тянувшихся на нѣсколько верстъ; полицейскіе драгуны не пускаютъ и бьютъ кучеровъ, которые отважатся своротить въ сторону. Надобно, не доѣзжая, оставить карету и выйти пѣшкомъ.

Мая 2 числа въ четвертокъ. Праздникъ Вознесенія Господня. У обѣдни былъ я въ церкви Никиты Мученика на Басманной улицѣ, гдѣ славятся лучшіе въ Москвѣ пѣвчіе г. Колокольникова и гдѣ каждое воскресенье бываетъ съѣздъ лучшей московской публики, не для моленія, но болѣе.....

Примѣчаніе. Здѣсь прерывается имѣющійся у насъ отрывокъ.

Ред.

II.

Мои воспоминанія о Казани.

За тридцать лѣтъ до сего времени (1842 г.), когда я въ первый разъ познакомился съ Казанью, положеніе города было тогда не въ такомъ видѣ, какъ впослѣдствіи. Оно измѣнялось, украшалось и опять упадало отъ разрушительныхъ пожаровъ. Прежде не было проѣзда отъ грязи по Проломной улицѣ; даже самыя лучшія части города, какъ улицы Воскресенская и Покрово-Грузинская, проѣзжающими по нихъ экипажами въ сырую погоду закидывало грязью, а въ сухое время засыпало пылью пѣшеходцевъ. Послѣ ужаснаго пожара 1815 года, уничтожившаго почти половину города, началъ онъ постепенно возрастать и поправляться, воздвигались новыя зданія, срывались крутизны горъ, засыпались овраги, мостились улицы камнемъ и сосновыми полигонами. До 1842 года нарядилась и украсилась Казань, какъ невѣста, такъ что была первымъ лучшимъ городомъ послѣ столицы; но роковой день 24 августа 1842 года разрушилъ лучшія его зданія и уничтожилъ цѣлыя улицы, превратившіяся въ чистое поле. Это извѣстно всѣмъ; многіе города и обѣ столицы приняли участіе и своими пожертвованіями способствовали казанскимъ жителямъ въ бѣдственномъ ихъ положеніи; извѣстно и то, какія пособія доставилъ сердобольный отецъ-монархъ для дѣтей своихъ, разорившихся отъ пожара.

1812 года, января 10 числа, пріѣхалъ я въ Казань. Въ Ляцкой улицѣ былъ тогда домъ Анны Васильевны П...: кто не зналъ ее изъ старожилыхъ Казани? Кто не любилъ ее за пріятный умъ, ловкость и любезную привѣтливость въ обращеніи? Многіе и теперь помнятъ эту милую женщину. Съ ранней молодости и до старости моей она благодѣтельствовала мнѣ и моему семейству, какъ ближайшая родственница, и была мнѣ другомъ до конца жизни своей.

У ней остановился я въ домѣ, и она познакомила меня съ лучшимъ казанскимъ обществомъ, съ домами почтенныхъ Николая Михайловича и Авдотьи Сергѣевны М—П..., Катерины Алексѣевны Б..., Дмитрія Александровича и Варвары Алексѣевны Б..., Ѳедора Ѳедоровича и Анны Николаевны Ж..., Натальи Ипатовны Ю..., Ѳедора Ѳедоровича и Катерины Петровны Г..., Василья Ивановича, Николая Васильевича и Александры Николаевны Ч..., Василья Петровича и Александры Петровны Л...—

Противъ квартиры моей былъ домъ Н. И. Ю..., и первый визитъ мой сдѣланъ къ ней, какъ знакомой со мною только по перепискѣ, а къ тому я прежде познакомился съ ея сыномъ, Николаемъ Ивановичемъ. Второй визитъ былъ къ К. А. Б..., которую, какъ равно и дѣтей, никогда не видалъ, но знакомъ былъ также по перепискѣ заочно съ дочерьми ея, Варварою Александровною и Анною Александровною. Онѣ ввели меня въ комнату, гдѣ увидѣлъ я больную старуху лѣтъ семидесяти, съ азіатскимъ умнымъ лицемъ, которая сидѣла въ нишѣ на своей постелѣ; она приняла меня ласково, благодарила за небольшую услугу, мною оказанную дочерямъ ея. Пріятный разговоръ ея со мною доказывалъ высокую образованность. Мнѣ сказывали, что она была крестница императрицы Екатерины и воспитана при дворѣ ея. Третій визитъ былъ къ В. И. Ч., съ которымъ я за годъ предъ симъ познакомился на сѣрныхъ водахъ и въ деревнѣ дочери его А. В.; ко всѣмъ прочимъ ѣздилъ я вмѣстѣ съ Анною Васильевною, и ею рекомендованъ былъ; всѣми принятъ и обласканъ, какъ нельзя лучше.

Проживши двѣ недѣли въ Казани, я часто въ сихъ домахъ обѣдалъ и бывалъ на вечерахъ, но чаще всѣхъ посѣщалъ домы К. П. Г.... которая была уже знакома со мною до пріѣзда въ Казань, Д. А. Б... и В. И. Ч..., потому что обращеніе ихъ со мною было простѣе и безцеремоннѣе. Впрочемъ всѣми почтенными лицами, здѣсь означенными, я былъ обласканъ тогда, какъ заѣзжій гость. Послѣ того неоднократно пріѣзжалъ я въ Казань и пользовался ихъ гостепріимствомъ; познакомился и съ другими лицами.

Лѣтомъ и весною любовался прелестными окрестностями Казани,

осматривалъ монастыри, древности Кремля и разныя зданія, особенно университетъ казанскій, который не былъ еще доведенъ до такого совершенства, какъ нынѣ. Кабинеты: зоологическій, орнитологійскій, минеральный, нумизматическій и другіе только что начинали пріобрѣтать собранія вещей, принадлежащихъ каждому кабинету; но библіотека замѣчательна была уже рѣдкими книгами, присоединеніемъ къ ней двухъ библіотекъ, князя Потемкина и господина Полянскаго.

Попечителемъ университета былъ тогда Михаилъ Александровичъ Салтыковъ, библіотекаремъ Петръ Сергѣевичъ Кондыревъ. Знакомство мое съ ними и профессорами К. Ѳ. Фуксомъ, Г. Н. Городчаниновымъ и В. М. Перевощиковымъ доставило мнѣ случай видѣть всѣ рѣдкости тогдашняго университета; особливо подробнѣе разсматривалъ я во время бытности моей въ Казани, 1819 года мая 12 числа. Тогда проѣзжалъ чрезъ Казань въ Сибирь Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, вмѣстѣ съ нимъ и его сопутниками, изъ коихъ помню одного Г. Цейера, пробылъ я болѣе трехъ часовъ въ университетѣ. Всѣ комнаты и заведенія показывали тогда ему господа профессоры: Г. И. Солнцевъ, К. Ѳ. Фуксъ, П. С. Кондыревъ, баронъ Е. В. Врангель и Н. И. Лобачевскій. Особенно долго пробыли мы въ библіотекѣ, въ которой, какъ выше сказано, книги были пожертвованы княземъ Потемкинымъ Екатеринославскому училищу, отколѣ переданы въ собственность Казанской гимназіи; другія также пожертвованы той-же гимназіи г. Полянскимъ и потомъ уже поступили въ университетъ. О семъ другомъ благотворителѣ, какъ о замѣчательномъ лицѣ и какъ о казанскомъ уроженцѣ и помѣщикѣ, я скажу болѣе.

Василій Ипатовичъ Полянскій былъ родной братъ Н. И. Юшковой, человѣкъ образованный, извѣстный императрицѣ Екатеринѣ и знаменитому фернейскому философу Вольтеру. Онъ путешествовалъ по Европѣ, что въ тогдашнее время почиталось необыкновеннымъ. Выписываю о немъ изъ переписки Вольтера съ императрицею.

1) Ферней, 1771. Мая 25.

„Въ пустынѣ моей теперь находится вашъ подданный г. Полянскій, уроженецъ казанскаго вашего царства. Не могу довольно хвалить его вѣжливость, благоразуміе и признательность къ милостямъ вашего императорскаго величества. Сказываютъ, что и Аттила былъ казанскій-же уроженецъ; если это правда, то надобно полагать,

что сей бичъ Божій былъ прелюбезный человѣкъ! [1]) Я въ томъ и не сомнѣваюсь, ибо Онорія, сестра глупаго императора Валентіана III, въ него влюбилась и очень желала выйти за него замужъ".

2) Ферней, декабря 3, 1771 года.

„Господинъ Полянскій дѣлаетъ мнѣ иногда честь своими посѣщеніями; онъ приводитъ насъ въ восхищеніе описаніемъ о великолѣпіи двора вашего, о вашей снисходительности, о непрерывныхъ трудахъ и множествѣ великихъ дѣлъ вашихъ, кои вы, такъ сказать, шутя производите..... г. Полянскій имѣетъ большое желаніе увидѣть Италію, гдѣ онъ могъ-бы болѣе научиться служить В. И. В., нежели въ сосѣдствѣ къ Швейцаріи и въ Женевѣ; онъ даже ожидаетъ на то вашего повелѣнія и на сей случай щедротъ. Онъ сколько умный, столько и добрый человѣкъ, коего сердце съ истиннымъ усердіемъ привержено къ вашему величеству".

Императрица отвѣчаетъ Вольтеру въ письмѣ отъ 30-го генваря 1772 года:

„Господину Полянскому, принятому подъ ваше покровительство (votre protégé), приказала я доставить деньги для его путешествія въ Италію, думаю, что онъ получилъ ихъ въ самый сей часъ".

3) Ферней, 11-го декабря 1772 года.

„Я получилъ печальное для меня извѣстіе, что тотъ Полянскій, который, по волѣ вашей, путешествовалъ и котораго я столько любилъ и почиталъ, возвратившись въ Петербургъ, утонулъ въ Невѣ; если это правда, то я очень сожалѣю. Частныя несчастія всегда будутъ случаться, но общее благо вы устроиваете".

4) 3-го генваря 1773 года.

„Г. Полянскій увѣдомляетъ меня, что онъ не утонулъ, какъ мнѣ о томъ сказывали, но,- напротивъ, въ тихомъ пристанищѣ, и что в. в. пожаловали его секретаремъ академіи".

Императрица пишетъ къ нему отъ 20-го февраля—3-го марта нов. штиля 1773 г. [2]):

---

[1]) Si la chose est vraie, il se peut fort bien que le fléau de Dieu ait été un très aimable homme.

[2]) Вольтеръ не жаловалъ нашего штиля. Онъ говоритъ: „Votre chronologie grecque n'est pas meilleur que la notre: vous comptez vos jours par des victoires".

Digitized by Google

„Вашъ баронъ Пеллембергъ въ арміи, а г. Полянскій секретаремъ въ академіи художествъ (des beaux arts); онъ не утонулъ, хотя и часто переѣзжаетъ чрезъ Неву въ каретѣ. У насъ зимою безопасенъ бываетъ такой переѣздъ".

Кстати помѣщу я здѣсь странный анекдотъ о кончинѣ г. Полянскаго, слышанный мною отъ В. И. Чемесова, а ему разсказанный самимъ г. Полянскимъ за день до своей смерти.

Во время путешествія его по Европѣ пропало у него ружье, съ надписью на стволѣ его имени; когда онъ возвращался въ Россію, то въ небольшомъ нѣмецкомъ городѣ увидѣлъ нѣсколько экипажей у одного дома, узналъ, что тутъ жила ворожея, старая нѣмка, и изъ любопытства зашелъ къ ней. Она разливала кофейную гущу, и по фигурамъ отливавшагося кофе предсказывала своимъ посѣтителямъ будущую судьбу. Любимецъ Вольтера не вѣрилъ ни пророкамъ, ни колдунамъ, смѣялся внутренно надъ предсказаніями ворожеи, однако-жъ, загадалъ, найдется-ли пропавшее ружье его. Ворожея, разливши кофе, сказала ему, что пропавшая у него вещь найдется не прежде, какъ за три дня до его смерти.

Онъ возвратился въ Россію, жилъ въ Петербургѣ, потомъ въ Казани, забылъ о своемъ ружьѣ и о своемъ гаданіи. Спустя много лѣтъ послѣ того, когда онъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, пріѣхалъ къ нему одинъ знакомый изъ казанскихъ жителей, возвратившійся отъ Макарьевской ярмарки, и сказалъ ему, что тамъ въ тульской лавкѣ увидалъ онъ ружье, съ подписью на стволѣ: Василія Полянскаго, купилъ его и привезъ къ нему.

Онъ вспомнилъ давно прошедшее, узналъ свое ружье и, можетъ быть, преслѣдуемый воображеніемъ или по разстроенному уже здоровью, точно умеръ чрезъ три дня послѣ находки своей.

Жаль, что нигдѣ не напечатано его біографіи. Я видѣлъ только портретъ Полянскаго, и другой Державина, казанскаго-же уроженца, которые хранятся въ библіотекѣ университета.

Обращаюсь къ моимъ „Воспоминаніямъ": пріѣзжая нерѣдко въ Казань, я пользовался учеными бесѣдами просвѣщенныхъ профессоровъ университета и бывалъ на ихъ лекціяхъ, бывалъ и на литературныхъ вечерахъ Александры Андреевны Фуксъ. Здѣсь воспитывались двое дѣтей моихъ. Я полюбилъ городъ и его почтенное общество, переѣхалъ и самъ на житье въ Казань. Теперь осталось живыхъ здѣсь изъ всѣхъ почтенныхъ людей, съ которыми я познакомился въ 1812 году, не болѣе трехъ человѣкъ, прочіе всѣ уже переселились въ вѣчность и могилы ихъ, съ надгробными памятниками, разсѣяны по разнымъ монастырямъ и на общемъ кладбищѣ.

Сколько я пережилъ родныхъ, друзей и знакомыхъ, близкихъ къ моему сердцу!.. И ты, безцѣнный, лучшій другъ и благодѣтельница Анна Васильевна, покоишься на петербургскомъ кладбищѣ, Давно-ли ты заботилась обо мнѣ, какъ о ближайшемъ родственникѣ! когда я страдалъ въ Петербургѣ отъ тяжкой болѣзни, и посѣщала умирающаго почти ежедневно? Давно-ли читалъ я твои умныя, горестныя письма, въ которыхъ ты описывала свою безотрадную жизнь, потерявъ двухъ любимыхъ сыновей своихъ, одного оплакивала смерть, а другаго несчастіе, свои горести и болѣзни? Теперь ты соединилась съ ними обоими, хотя и пережилъ тебя несчастный.

Благодарныя слезы облагодѣтельствованныхъ тобою и болѣзненные вздохи о твоей кончинѣ свидѣтельствуютъ о превосходныхъ качествахъ твоего сердца. Въ продолженіе сорокалѣтняго знакомства моего съ тобою я былъ свидѣтелемъ, какъ ты помогала втайнѣ бѣднымъ, сострадала и облегчала горести несчастныхъ; но при всемъ томъ и ты имѣла своихъ враговъ при жизни! Превосходство ума и талантовъ предъ другими рождало зависть, злословіе и клевету. Добродѣтели твои приписывали къ корыстнымъ видамъ, а слабости, свойственныя всѣмъ людямъ, низкимъ порокамъ. Кто не зналъ коротко твоихъ достоинствъ, могли вѣрить злословію твоихъ завистниковъ.

Почитаю за долгъ самый священнѣйшій истиною словъ моихъ оправдать твою память. Мертвымъ не льстятъ. Они не услышатъ ни хвалы, ни порицанія. О живыхъ моихъ знакомцахъ я не смѣю ничего сказать, кромѣ душевной благодарности за ласки и благосклонность ихъ ко мнѣ.

Писано въ ноябрѣ 1842 года.

И. А. Второвъ.

Сообщ. 14-го декабря 1889 г. А. Н. Яхонтовъ.